

Д.А.Давыдов

СОЦИАЛИЗМ ПРЕТКНОВЕНИЯ, ИЛИ ПРОБЛЕМЫ ЛЕВОГО ПОПУЛИЗМА

Дмитрий Александрович Давыдов — кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург). Для связи с автором davydovdmitriy90@gmail.com.

Аннотация. Первая четверть XXI в. стала временем возрождения идеи социализма. Однако главным предполагаемым субъектом прогрессивных изменений оказался уже не рабочий класс. Вместо рабочих движений и соответствующих партий наблюдается подъем левого популизма. Ключевая особенность такого популизма состоит в стремлении объединить всех угнетенных и эксплуатируемых в борьбе против капиталистической «гегемонии». Данная установка нашла отражение, в частности, в идее интерсекциональности, в соответствии с которой разные «системы» угнетения (расизм, сексизм, гомофобия и т.д.) и капиталистическая эксплуатация переплетены и могут усиливать друг друга. Отсюда постоянные отсылки к общей, как бы «народной» борьбе против капитализма и различных форм угнетения. Более того, некоторые левые теоретики прямо настаивают на необходимости обращения к популизму и выстраивания стратегий левой «контргегемонии».

Детально проанализировав современные левопопулистские концепции, автор выявляет в них серьезные уязвимости. За стремлением к справедливости и равенству нередко скрывается жажда привилегий и радикальная враждебность по отношению к тем, кого далеко не всегда обоснованно причисляют к угнетателям. Кроме того, борьба за социализм зачастую означает акцент на свободе от труда для одних при игнорировании материальных проблем других. Противоречия левого популизма автор относит к категории неразрешимых ввиду невозможности отличить борьбу за равенство от борьбы за частные интересы отдельных групп. Согласно его заключению, в условиях, когда игры с нулевой суммой неизбежны, для бедных и социально уязвимых все более выгодными и привлекательными будут стратегии отставания собственных интересов в противовес популистским проектам, а также идее социализма *per se*, все чаще подразумевающей отказ от этих интересов без гарантий какой-либо отдачи в будущем.

Ключевые слова: социализм, левый популизм, контргегемония, антикапитализм, интерсекциональность, политика идентичности

Введение

Последняя четверть XX в. была временем разочарования в социализме/коммунизме. С одной стороны, это было разочарование в «реальном» социализме, то есть в попытках построить некапиталистические общества с помощью плановой экономики и централизованного партийного руководства («диктатуры пролетариата»). С другой стороны, это было разочарование в рабочем классе (или, шире, в трудящихся) там, где он пошел на компромисс с буржуазией, заменив мечту о коммунизме мечтой о «потребительском рае». Первая четверть XXI в. стала временем возрождения идеи социализма. Правда, теперь уже не рабочий класс является главным предполагаемым субъектом прогрессивных изменений. Вместо рабочих движений и соответствующих партий наблюдается подъем того, что можно обозначить как *левый популизм*. Ключевая особенность такого популизма¹ заключается в стремлении объединить всех угнетенных и эксплуатируемых в борьбе против капиталистической «гегемонии». Подобная установка нашла отражение, в частности, в крайне популярной идее *интерсекциональности*, в соответствии с которой разные «системы» угнетения (расизм, сексизм, гомофобия и т.д.) и капиталистическая эксплуатация переплетены и могут усиливать друг друга², а также в попытках синтеза этой идеи с марксизмом³. Отсюда постоянные отсылки к общей, как бы «народной» борьбе против капитализма и различных «системных» (или институциональных) форм угнетения. Более того, некоторые левые теоретики прямо настаивают на необходимости обращения к популизму и выстраивания стратегий «контргегемонии». В этом преуспела, например, Шанталь Муфф, названия двух недавних книг которой — «За левый популизм»⁴ и «На пути к зеленой демократической революции: левый популизм и сила аффектов»⁵ — говорят сами за себя. Согласно Муфф, ни одна из групп не в состоянии побороть гегемонию неолиберального капитализма. На это способен только *народ*, создавший единую синтетическую политическую идентичность, противопоставленную капиталистическому «другому»⁶.

Применительно к левым такое принятие популизма, несмотря на все негативные ассоциации, связанные с этим словом, вполне объяснимо: сама идея социализма подразумевает строй, который пойдет на благо всему обществу, а не только горстке самых богатых. Как известно, даже классики марксизма считали, что капиталисты отчуждены, хотя их отчуждение не доставляет им страданий, в отличие от рабочих: «Имущий класс и класс пролетариата представляют одно и то же человеческое самоотчуждение. Но первый класс чувствует себя в этом самоотчуждении удовлетворенным и утвержденным, воспринимает отчуждение как свидетельство своего собственного могущества и обладает в нем видимостью человеческого существования. Второй же класс чувствует себя в этом отчуждении уничтоженным, видит в нем свое бессилие и действительность нечеловеческого существования»⁷. Однако является ли ориентация на популизм лучшей стратегией борьбы за интересы наиболее бедных и социально уязвимых? Это было бы так, если

¹ В принципе здесь подходит классическое значение термина «популизм», под которым понимается политическая стратегия, сочетающая антиэлитизм, определенный антиплюрализм (восприятие народа как однородной массы) и самоотождествление с народом, его волей.

² Collins 2019.

³ См. Bohrer 2019.

⁴ Mouffe 2018.

⁵ Mouffe 2022.

⁶ Mouffe 2018.

⁷ Маркс и Энгельс 1955: 39.

бы социализм как воплощение в жизнь принципов равенства и братства, а также консолидации общества в рамках базового набора *общих интересов* был возможен на данном этапе развития человеческой цивилизации. Но, как мы постараемся показать далее, вполне вероятно, что социализм так и останется на неопределенное время утопическим идеалом, тогда как разные группы и индивиды продолжат бороться за *свои интересы*. В этом случае социализм для многих станет опасной и обманчивой идеей, обязывающей искать солидарность и социальную гармонию там, где их нет и в обозримой перспективе не будет и где под масками предполагаемых союзников зачастую скрываются недоброжелатели.

Левый популизм

⁸ Garo 2023.

⁹ Ibid: 20—46.

¹⁰ Ibid: 47—70.

¹¹ Ibid: 71—101.

¹² Ibid: 220—225.

В книге «Коммунизм и стратегия»⁸ Изабель Гаро задается вопросом: почему глобальное капиталистическое господство и его кризис имеют своим следствием беспрецедентное поражение левых сил и, что особенно важно, любого альтернативного коллективного, мажоритарного политического проекта? Изучая истоки тупика левого движения, она обращает внимание на исчезновение из левой политической теории стратегических идей относительно инструментов и тактики борьбы за власть с помощью *политического посредничества*. В своих рассуждениях она опирается на анализ трудов таких авторов, как Ален Бадью, Эрнесто Лакло, Антонио Негри и Майкл Хардт. Этих авторов объединяет неприятие иерархических структур, будь то партия или государство, что понятно, учитывая опыт СССР и других потерпевших провал социалистических экспериментов. Бадью пишет о постоянно возрождающемся *событии*, для него коммунизм есть «историческая конвульсия», «прежде всего движение», перманентная мобилизация, никогда не затвердевающая борьба, избегающая какой-либо институциональности⁹. Лакло выдвигает на первый план идеологические и культурные вопросы, причем его популистская стратегия нацелена на поиск свободных от каких-либо экономических детерминаций коллективных идентичностей (эти идентичности также никогда не «цементируются» и всегда находятся в движении)¹⁰. «Нематериальный труд» и «всеобщий интеллект» в концепции Негри и Хардта представляют собой имманентные тенденции капитализма, разрушающие его изнутри, из чего вытекает, что коммунизм возникнет *спонтанно*, через серию радикальных мутаций, порождающих пространства «автономности» (вроде сообществ приверженцев свободного программного обеспечения)¹¹. Все это, по мнению Гаро, не является помехой для капитализма: левое движение нуждается в стратегическом мышлении, в *массовой мобилизации*¹².

Тем не менее ее заключения оказываются даже еще более популистскими, чем, скажем, построения Лакло. Если последний фокусировался преимущественно на политических *других* (в чем-то повторяя ключевую идею Карла Шмитта), то здесь политический популизм накладывается на популизм экономический. Никакое восстание, полагает

Гаро, не изменит мир, а завоевание политической власти посредством избирательной урны немедленно подвергнет любое прогрессивное правительство гигантскому давлению со стороны национальных и наднациональных институтов, которые начнут ослаблять его преобразовательные возможности. В какой-то момент может показаться, что Гаро выступает за восстановление боевого потенциала рабочего класса, призывает вернуться к классическому марксизму. Но далее в ее книге мы вновь встречаем отсылки к *общей* (читай — *народной*) борьбе против гегемонии капитализма: «Наблюдаемое сегодня возрождение антирасистской, феминистской и ЛГБТК+ мобилизации в сочетании с продолжающейся реакцией и повышением ставок в социальной борьбе говорит о возможности нескольких сценариев: либо братоубийственные разногласия, разрушающие политический ландшафт в условиях глубокого кризиса, либо еще большее и гибкое соединение всех ключевых секторов стратегического возрождения и критики»¹³.

¹³ *Ibid.*: 192.

Не оставляет места для какой-либо иной стратегии, кроме популистской, и Нэнси Фрейзер. Оценивая расклад сил в США, она отмечает, что прогрессистскому неолиберализму там сейчас оппонируют два популистских блока: реакционный (сторонники Дональда Трампа) и прогрессивный (сторонники Берни Сандерса). Трамп воспользовался игнорированием прогрессистскими неолибералами во главе с Хиллари Клинтон классового повестки и сделал упор на апелляцию к материальным интересам «простых людей» (пересмотр условий НАФТА, стена на мексиканской границе плюс крупномасштабные расходы на инфраструктуру). Сандерс попытался соединить инклюзивную политику признания с политикой перераспределения в пользу работающих семей¹⁴. Характеризуя текущее положение в стране дел, Фрейзер цитирует слова Антонио Грамши: «старое умирает, а новое не может родиться»¹⁵.

¹⁴ *Fraser 2019*: 23—32.

¹⁵ *Ibid.*: 30.

С ее точки зрения, в подобных условиях левый популизм попросту *неизбежен*. Сторонникам Трампа и Сандерса из рабочего класса нужно осознать себя союзниками, жертвами (хотя и находящимися в разных ситуациях) единой «фальсифицированной экономики», которую они могли бы попытаться совместно преобразовать. Правда, от «реакционных» консервативных ценностей придется отказаться, ведь только инклюзивная политика признания имеет реальный шанс объединить эти социальные силы с другими секторами рабочего и среднего классов. «Я не предлагаю, — пишет она, — чтобы прогрессивно-популистский блок заглушил свою жгучую обеспокоенность по поводу расизма, сексизма, гомофобии, исламофобии и трансфобии. Напротив, борьба с этим злом должна стать центральной задачей прогрессивно-популистского блока. Но решать ее через морализаторскую снисходительность в духе прогрессистского неолиберализма контрпродуктивно. Подобный подход подразумевает поверхностный и неадекватный взгляд на эту несправедливость, сильно преувеличивая степень, в которой проблема находится в головах людей, и упуская из виду укорененность структурно-институциональных сил, которые ее поддерживают»¹⁶.

¹⁶ *Ibid.*: 40.

¹⁷ Причем сегодня все чаще отнюдь не в марксовом и не в ленинско-сталинском понимании. В их глазах социализм вовсе не предполагал, что «всем сестрам раздадут по серьгам», исчезнет всякое неравенство и пр. Это был довольно суровый и жесткий строй, основанный на подавлении классовых врагов. И именно поэтому для его реализации не требовался «широкий фронт» в лице ЛГБТК+ и т.д.

¹⁸ Хотя заметим, что само по себе равенство не было ключевой идеей старого социализма.

Ненулевая сумма?

Оно было таковой только в сочетании с идеями уничтожения частной собственности и эксплуатации, а также установления политического режима, который воплощал бы в себе власть трудящихся («диктатура пролетариата»).

Популизм, таким образом, стал новым общим местом в современной западной политической теории, причем неважно, признают это сами теоретики или нет. Если в книге левого автора нет дежурной фразы об объединении всех угнетенных и притесняемых для совместной борьбы против «системы» (с обязательным перечислением угнетаемых групп: ЛГБТК+, женщины, люди неевропейской внешности и др.), то, скорее всего, эта книга была написана давно — или не на Западе.

Подъем левого популизма объясняется, на наш взгляд, отнюдь не только ситуацией, когда старое умирает, а новое еще не родилось. Одним из факторов является сама идея социализма¹⁷. Эта идея все еще жива и, более того, переживает своеобразный ренессанс. Общие коннотации примерно те же, что были в классическом марксизме, — общество достигло той стадии развития, при которой идеи равенства и справедливости одерживают верх, то есть наступает период движения к *бесклассовому* состоянию. Если главная цель — это равенство¹⁸, было бы странно мыслить социализм как общество, где существуют господство, подчинение, системное насилие и т.д. Стало быть, прямая логика ведет к выводу о необходимости борьбы против всех форм угнетения и эксплуатации. Но, как представляется, стратегия, предполагающая совместную борьбу за воплощение абстрактного социалистического идеала, может подойти далеко не всем бедным и социально уязвимым.

Как и любой абстрактный идеал, социализм несет в себе набор ловушек. Одна из них — предписывающий характер утопии, когда идеал имеет приоритет над сложной реальностью. Но это значит, что все игроки, стремящиеся к реализации коллективного антикапиталистического проекта, должны отказаться от весомой доли своих частных интересов в пользу общего интереса. Образ социалистического общества должен быть максимально непротиворечивым, то есть представлять собой условную плоскость, на которой располагается *ненулевая* сумма всех интересов. Все это ведет к своеобразной обязывающей эсхатологии: не бывает «половинчатых» социализмов, «конец капитализма» сопряжен с полным искоренением неравенства и несправедливости. Поэтому человека, рассуждающего *только* о классовом неравенстве, сегодня могут обвинить в расизме или сексизме, так как он поднимает лишь одну проблему, а не все существующие. Левый популизм мог бы считаться лучшей стратегией, если бы социализм был действительно в скором времени достижим, то есть сумма интересов людей и групп, стремящихся к нему, действительно была бы *ненулевой*. Однако есть основания сомневаться, что это так.

Левый популизм — феномен не новый. Здесь можно было бы вспомнить большевиков, оправдывавших революцию рабочего класса в стране, населенной преимущественно крестьянами, или иные подобные истории. Но по-настоящему популистские стратегии стали востребованы как раз тогда, когда последняя надежда на революцию именно

¹⁹ Marcuse 1969.

рабочего класса была утрачена. Так, в 1960-е годы Герберт Маркузе призывал к установлению «диктатуры интеллектуалов», поддержку которым должны были оказать жители гетто¹⁹. Но жители гетто в итоге так и остались жителями гетто, несмотря на устроенные ими общественные беспорядки, а революционеры-интеллектуалы поступили на работу в престижные университеты. Многие из этих интеллектуалов стали идеологами неолиберального прогрессизма (точнее — прикладного пост-модернизма²⁰), поставившего борьбу за права меньшинств над борьбой с реальной бедностью и классовым неравенством.

²⁰ Pluckrose and Lindsay 2020.

Сегодня происходит нечто похожее. Левые интеллектуалы апеллируют к очень разнородным группам, которые объединяет лишь некоторая степень неприязни к капитализму. Предполагается, что борьба за их вполне конкретные групповые интересы является борьбой за общие интересы человечества. Но есть причины считать, что эта борьба приводит лишь к новым социальным противоречиям. Причем она наглядно демонстрирует три проблемы, неизбежно встающие перед теми, кто стремится к равенству и справедливости. Рассмотрим их по отдельности.

1. *Невозможно понять, где проходит грань между борьбой против угнетения и стремлением к привилегиям.* Эта проблема до сих пор не решена левыми теоретиками. Суть ее заключается в следующем. Системные формы угнетения обусловлены не только формальными вещами, которые легко обнаружить и отменить, вроде неравенства в правах. Основная цель ключевых левых теорий (например, критической расовой теории) сегодня — разоблачение многочисленных *предрассудков*, а также «злого умысла» «угнетателей». Истоки расизма, сексизма, гомофобии, трансфобии и т.п. кроются не в неравенстве материальных возможностей или формальных прав, они находятся в сознании людей. Проблема здесь в том, что в рамках данного подхода *любое* неравенство результатов, когда проигравшей стороной оказываются «угнетенные», можно трактовать как следствие расизма, сексизма, гомофобии и пр., даже если это совсем не так.

²¹ См. DiAngelo 2018.

Неравенство результатов может быть обусловлено множеством обстоятельств — от классового положения и отсутствия доступа к элементарным материальным возможностям до биологических (физиологических) факторов или особенностей культуры. Например, бедность и преступность в районах проживания чернокожих можно объяснить «системным расизмом», а можно — гангстерской культурой. И мы вряд ли сможем четко отделить одно от другого. Соответственно, до тех пор, пока существует неравенство результатов, такие авторы, как Робин Дианджело²¹, могут называть *всех* белых расистами (во всяком случае, подсознательными). Это дает карт-бланш всем борцам с «системным неравенством», но их инициативы, по сути, превращаются в борьбу за привилегии, так как ресурс обвинений в расизме и иных формах угнетения при отсутствии действенного способа их выявления (читать мысли и считать истинные намерения невозможно) практически исчерпаем. В своей недавней книге Хизер Мак Дональд описывает,

²² Mac Donald 2023.

как борьба с расизмом в США de facto переросла в антибелый расизм, подпитываемый «культурой отмены», цензурой и «властью толпы»²². Такое положение дел характеризуется ею как *крах меритократии*: при поступлении в университеты или на работу приоритет сегодня отдается именно чернокожим и людям неевропейской внешности (а если это одновременно и женщина нетрадиционной сексуальной ориентации или трансгендер, вероятность успеха еще выше). Ключевые назначения на должности происходят не за заслуги, а по критериям цвета кожи, гендера, сексуальной ориентации. Целые культурные пласты осуждаются и «отменяются». Это касается, в частности, классической музыки, так как она написана белыми европейцами (например, Пятая симфония Людвиг ван Бетховена объявляется символом «превосходства и важности» белого мужчины). Профессиональные награды присуждаются только с учетом квоты разнообразия. Белые полицейские боятся задерживать чернокожих преступников, чтобы не быть обвиненными в расизме (отсюда всплеск преступности в США в 2020—2022 гг.). Все, кто пытается усомниться в институциональном расизме или хотя бы выступает за *равные возможности*, лишаются работы и подвергаются травле. Но это не решает ключевой проблемы: неравенство результатов остается, и многие факты указывают на то, что оно обычно бывает обусловлено вовсе не расизмом или другими формами угнетения²³. Какое, к примеру, отношение к социальной несправедливости имеет процент чернокожих в камерных оркестрах, если доля чернокожих детей, изучающих классическую музыку, ничтожно мала?

²³ Вероятность того, что офицер полиции будет убит чернокожим подозреваемым, примерно в 400 раз выше, чем вероятность того, что невооруженный чернокожий будет убит полицейским (Mac Donald 2023: 166).

2. *Невозможно понять, где проходит грань между стремлением к равенству и враждебностью по отношению к «другому» (или стиранием различий)*. Очевидно, что до тех пор, пока сохраняются социальные различия, ассоциируемые с неравенством, можно бесконечно находить основания для претензий к «другим». Актуальность данной проблемы наглядно показывает эволюция феминизма. Сначала речь шла о формальном, правовом равенстве. Затем женщины боролись за равные возможности на рынке труда. Сегодня мы видим следующую волну межполового конфликта: все чаще говорят о значении неоплачиваемого аффективного труда и необходимости равного участия отцов в воспитании детей. Однако на этом теоретики феминизма не останавливаются, настаивая уже на том, что на плечи женщин неизбежно ложится львиная доля любого эмоционального «труда» в гетеросексуальных семьях. Но если так, то решить эту проблему можно только путем *уничтожения семьи и гендера*. Иными словами, если пока невозможно отделить женщину в семье от, скажем, функции вынашивания и кормления детей, то стоит вообще уничтожить гетеросексуальные отношения и семью, где такая функция является прямой демонстрацией различий, рассматриваемых как свидетельство неравенства. Как пишет Алва Готби в книге «Они называют это любовью: Политика эмоциональной жизни»²⁴, «необходимо подвергнуть сомнению удовольствия, которые люди получают от гетеросексуальности и семейной любви, как пото-

²⁴ Заметим, что речь идет не о какой-то маргинальной концепции, а о книге, опубликованной в престижном и, можно сказать, центральном для левых теоретиков издательстве Verso.

му, что они основаны на эксплуатации феминизированных людей, так и ввиду исключений и ограничений, которые создает такое приятное воспроизводство»²⁵. Далее она утверждает, что следует «отменить» не только гендер, но и работу, поскольку трудовые отношения тоже ведут к семейному «разделению труда». Альтернативу семейным отношениям Готби подсматривает у «криминализованных сообществ»: «криминализованные способы выживания можно понимать как форму сопротивления собственности и приличиям. Неформальная экономика также может создавать материальный контекст для несемейных форм солидарности»²⁶. «Преступник-гомосексуалист» предстает в ее книге как «фигура политической мысли», а трансженственность рассматривается не как утверждение женственности, а как частичное ее разрушение, которое стоит приветствовать²⁷.

Но если Готби призывает лишь к отмене семьи и гендера, то схожая логика апелляции к существованию различий (наличие «неудобного другого») приводит некоторых авторов к прямой ненависти. Небольшая книга-бестселлер Полин Харманж так и называется — «Я ненавижу мужчин». В ней Харманж отталкивается от такой посылки: если есть системное угнетение женщин, то почему нужно отказываться от системного угнетения мужчин? Вместо борьбы против сексизма Харманж предлагает сознательно придерживаться мизандрического сексизма: «они жестокие, эгоистичные, ленивые и трусливые»²⁸. Здесь вновь вообще любые социальные различия, которые вряд ли можно квалифицировать как заведомо негативные, тракуются в качестве маркера неравенства: «мужчины всегда хотят найти решение, разобраться в моих проблемах, объяснить мою боль, тогда как очень часто все, что мне нужно, это благожелательный слушатель и плечо, чтобы поплакать. Иногда я задаюсь вопросом, не является ли эта мужская тенденция позиционировать себя поставщиком решений — спасителем — на самом деле попыткой, пусть и неосознанной, заставить меня замолчать»²⁹.

3. *Невозможно понять, где проходит грань между свободой одних и потребностями других.* В третьем томе «Капитала» Карл Маркс замечает: «царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью»³⁰. Если и можно максимально кратко выразить суть марксизма, то именно с помощью данного высказывания. Начиная с самого Маркса, в трудах левых идеологов довольно часто встречается подобная логика: мы уже достигли *достаточного* уровня совокупного богатства, чтобы избавиться от нужды в *базовых благах*. Соответственно, в приоритет надо поставить *свободу*, а не труд. Для движения к царству свободы следует лишь *перераспределить* имеющиеся ресурсы в пользу большинства. Как утверждает Стив Пакстон, «в XXI веке проблема человеческой бедности связана с распределением, а не с дефицитом»³¹. Но так ли это? Наряду с рассуждениями о том, что всем всего уже достаточно, существует и более скептический взгляд. *Нужда безгранична*. Население земного шара увеличивается, планетарные ресурсы истощаются, чем

дольше люди живут, тем больше болезней они переносят, тем больше боли и страданий испытывают, лишь бы прожить дополнительный год. Борьба за жизнь и здоровье каждого человека можно с практически бесконечным приложением общественных усилий. Кроме того, люди вступают в острую конкурентную борьбу с роботами и искусственным интеллектом. Чтобы стать полноценной личностью, человеку уже мало того развития, которое обеспечивает ему общедоступная школа — изобретение промышленного века массового физического труда. Воспитание и развитие личности, востребованной в условиях высокотехнологичной экономики, — чрезвычайно ресурсоемкое предприятие. Таким образом, практически бесконечных усилий требует потенциальная борьба не только за жизнь, но и за личность каждого. Не стоит также забывать, что в мире остается огромное количество людей, живущих в крайней бедности. Мир все еще безумно опасен и жесток.

Можно ли с уверенностью сказать, что мы подошли к «царству свободы» и нужно только грамотно распределить уже имеющееся? Возможно, такое распределение решит одни социальные противоречия, но породит другие. Если мир по-прежнему жесток и полон страданий, то борьбу за *свободу от труда, диктуемого «нуждой и внешней целесообразностью»*, можно представить как *борьбу за свободу от помощи другим*. Заметим, что образ жизни свободного творческого деятеля, ведущего божественное существование на базовый доход, тоже является коммунистическим (в каком-то смысле такую жизнь и вел в свое время Маркс, только вместо базового дохода он получал средства от Фридриха Энгельса). Именно этот идеал, то есть минимизация труда с целью максимизации свободы, как нам представляется, сегодня крайне востребован сторонниками идеи *посттруда* и концепций *базового дохода*³².

Одним из главных теоретиков посттруда является Ник Срничек (кстати, тоже сторонник левого популизма). Посткапиталистическое общество он связывает с минимизацией труда и расширением досуга³³, но сам же ощущает внутреннюю противоречивость своей позиции. Весьма показательна в этом плане книга «После работы: История дома и борьба за свободное время», написанная им в соавторстве с Хелен Хестер³⁴. По мнению Срничека и Хестер, посттруд начинается с посылки, согласно которой наемный труд вдвойне несвободен, независимо от его условий, и предлагает альтернативные взгляды на мир, направленные на отмену этой социальной формы. Но в своей книге они говорят не о наемном труде, а о том, что они называют *репродуктивной работой* в семье, которая не оплачивается (воспитание детей, походы в магазин, приготовление еды, уборка и т.д.). Логика здесь схожа с логикой Готби: перераспределение ролей в семье не освобождает по-настоящему, а потому ни женщины, ни мужчины не должны тратить «драгоценные часы своей жизни» на работу, которая не является ни стимулирующей, ни творческой, ни продуктивной. Подобно Готби, Срничек и Хестер ратуют за отмену семьи, ведь, когда за младенцами требуется присмотр, женщины с гораздо большей вероятностью уйдут с работы. Крайне

³² См., напр. Lowrey 2018.

³³ См. Srnicek and Williams 2016.

³⁴ Hester and Srnicek 2023.

³⁵ Hester and Srnicek 2023: 20.

важно для них минимизировать вообще любые трудозатраты, так как их «сокращение <...> расширяет доступность свободного времени, что является предпосылкой для любой значимой концепции свободы»³⁵. Выдвигая принцип *коллективной заботы*, они выступают за создание ряда новых институтов и способов удовлетворения тех потребностей, которые призвана удовлетворять семья. В частности, они не скрывают своего восхищения советским коммунальным жильем и резко критикуют пригородные дома. С их точки зрения, гораздо лучше, когда жилье одновременно представляет собой общину, где отдельные и подчас непохожие люди заботятся о детях и стариках. Кроме того, жизнь в многоквартирных общинах позволяет владеть сообща различными инструментами, что минимизирует затраты на их покупку и хранение. Каждый в таких сообществах будет вносить свой вклад в репродуктивный труд, причём по доброй воле³⁶.

³⁶ Ibid.: 88—115.

Правда, чем больше Срничек и Хестер детализируют свою утопию, тем чаще они вынуждены делать оговорки. Да, отмечают они, в обществе свободных от труда людей не обойтись без высококачественного круглосуточного универсального ухода (речь, видимо, идет о детских садах, школах, домах престарелых), а такой уход подразумевает *обязательный труд*. Пытаясь снять эту проблему, Срничек и Хестер ссылаются на то, что посттруд не означает полного искоренения всякого труда, оставляя, однако, без ответа вопрос, почему кто-то должен будет выполнять эту достаточно сложную и изматывающую работу, а кто-то — нет³⁷ (вариант, что люди будут заниматься ей исключительно по желанию, едва ли заслуживает рассмотрения, так как речь идет о труде, требующем дисциплины и профессионализма).

³⁷ Ibid.: 133—152.

То же самое касается их предложений организовывать общественные кухни; формировать команды профессиональных, хорошо оплачиваемых уборщиков, берущих на себя необходимую работу по дому; развивать услуги по стирке экологически чистых многоразовых подгузников; создавать службы проката детской одежды, сообщества поддержки грудного вскармливания (с консультантами, которые будут посещать нуждающихся на дому), группы по до- и послеродовому психическому здоровью, центры помощи по выполнению домашних заданий и т.д. Не лучше обстоит дело и с продвигаемой ими идеей создания инфраструктуры свободного времени — среды, где люди смогут собираться, общаться, играть и творить, и все это без какой-либо оплаты. Ни в одном из отмеченных случаев Срничек и Хестер даже не ставят вопроса о том, кто будет выполнять сопряженную со всем этим работу: обслуживать, следить, убирать, готовить и т.д. Для того чтобы сохранить свою утопию непротиворечивой, они фокусируют внимание на *минимизации* даже коллективных форм заботы. Например, не следует злоупотреблять ими применительно к детям: «у детей будет больше времени, чтобы просто быть детьми, что обратит вспять сокращение игрового времени, наблюдаемое во многих странах в последние десятилетия»³⁸. В эпоху растущей конкуренции за качество человеческого капитала

³⁸ Ibid.: 140.

подобное заявление выглядит как предложение оставить детей в покое и не заниматься их развитием. В условиях, когда школа находится в глубоком кризисе и, возможно, нуждается в уменьшении численности классов и снижении нагрузки на учителей, легко поддаться соблазну «сокращения затрат», предоставив воспитание и образование неким группам друзей по коммунальной квартире (или так называемому коливингу).

В конечном счете Срничек и Хестер признают некоторую непоследовательность собственной позиции: «более жесткое разделение труда могло бы обеспечить большую специализацию и в итоге повысить его эффективность. Однако сокращение рабочей силы находится в противоречии с целью дать людям возможность гораздо более гибко менять свои роли, чем в настоящее время. Как всегда, выбор между различными вариантами — это не то, на что можно дать окончательный ответ, но он представляет собой реальное напряжение, с которым придется столкнуться миру»³⁹. Что Срничек и Хестер упускают из вида, так это то, что реализация их предложений может потребовать даже большего количества труда, чем сегодня. Скажем, по-настоящему качественное общественное питание, учитывающее предпочтения и физиологические особенности каждого (в идеале — еще и экологически «устойчивое»). Или воспитание детей, предоставленных не самим себе или «сообществу друзей», живущих в коливинге, а профессионалам, не испытывающим выгорания от слишком массовых групп подопечных. Но в этом случае максимизация труда перекроет соблазнительную перспективу беззаботной жизни без него. Таким образом, утопия Срничека и Хестера сталкивается с фактически неразрешимым противоречием между ценностью свободы от труда (ценностью досуга) и ценностью заботы о других. Никуда не исчезающая потребность в труде, заботе и внимании разбивает миф о «достаточности» того, что уже произведено, а также о скором удовлетворении неких «базовых» потребностей всех.

³⁹ Hester and Srnicek 2023: 150.

Заключение. Нужен ли бедным «социализм»?

Мы затронули отнюдь не все узкие места современной левой политической теории, которые на данном этапе исторического развития представляются практически непреодолимыми. Но сказанного достаточно, чтобы усомниться в сочетаемости интересов тех групп, которые по идее должен объединить под своим крылом левый популизм. Разумеется, приведенные соображения вряд ли покажутся новыми для тех, кто знаком с изъянами западной политики идентичности. В конце концов, некоторые из этих изъянов осознаются и многими левыми теоретиками. К примеру, Вивек Чиббер пишет о том, что борьба с расизмом, сексизмом, гомофобией, трансфобией и прочими формами «угнетения» фактически была приручена капитализмом. Проблемы рабочего класса были забыты, и каждая вторая корпорация теперь с успехом пользуется «прогрессивностью» с целью привлечения внимания потребителей. Более того, постмодернистская критика европоцентризма и боль-

⁴⁰ Chibber 2022.

ших нарративов разрушила универсальную силу классового анализа⁴⁰. Если применить это наблюдение к тому, о чем говорилось выше, придется констатировать, что мы не только не в состоянии провести четкую грань между борьбой с угнетением и борьбой за привилегии, но и не видим разницы между угнетением и эксплуатацией. Как уже упоминалось, любые попытки поставить во главу угла классовую борьбу теперь воспринимаются в штыки прогрессистскими левыми, которые объясняют все негативные социальные явления *прежде всего* расизмом, сексизмом, гомофобией, а не неравенством материальных возможностей.

⁴¹ Neiman 2023.

⁴² *Wokeism (от афроамериканского жаргонного слова «woke», в свою очередь восходящего к англ. «wake» — «проснуться») — движение «проснувшихся» и осознавших масштабы существующих в обществе привилегий, поддерживающее леволиберальную политику идентичности.*

В книге «Левый не значит проснувшийся»⁴¹ Сьюзан Нейман критикует воукизм⁴² за *эпистемологию позиции* (standpoint epistemology), согласно которой угнетатели никогда не смогут понять опыт угнетенных и не должны иметь права «присваивать» их культуру. Она показывает, что выпады левых в адрес Просвещения, которое обвиняется в универсализации рационалистического взгляда белых европейцев, попросту безосновательны, так как ключевые теоретики Просвещения (в частности, Дени Дидро и Иммануил Кант) осуждали практики колониализма. Сегодня же эпистемология позиции способствует отчуждению людей друг от друга, порождает *трайбализм* (точнее, войну всех против всех), поскольку у разных культурных групп не остается общего языка, общего символического пространства, общей *человечности*.

Однако, что примечательно, ни Чиббер, ни Нейман не высказываются против современной политики идентичности *per se*. То есть они придерживаются все того же левого популизма, нацеленного на объединение всех эксплуатируемых и угнетенных, но с рядом поправок: для Чиббера это приоритет классовой борьбы, для Нейман — приоритет Разума. Но подобные поправки никак не решают тех проблем, о которых шла речь в настоящей статье. Более того, они лишь подливают масла в огонь всеобщего недоверия. Это видно, в частности, по тому, как Фрейзер фактически пытается разделить левых, провоцируя внутренний конфликт в левопопулистском движении: «что необходимо, так это стратегия разделения, направленная на усиление двух крупных расколов. Менее привилегированных женщин, иммигрантов и цветных нужно отвлечь от консервативных феминисток, меритократических антирасисток, основного движения ЛГБТК+, сторонников корпоративного разнообразия и подставных лиц зеленого капитализма, которые похитили их интересы, исказив их в терминах соответствия неолиберализму. На это нацелена недавняя феминистская инициатива, которая стремится установить „феминизм для 99%“. Другие освободительные движения должны скопировать эту стратегию, заставить Ржавый пояс, южные и сельские рабочие сообщества покинуть своих нынешних крипто-неолиберальных союзников. Хитрость в том, чтобы убедить их, что силы, пропагандирующие милитаризм, ксенофобию и этнонационализм, не в состоянии и не станут обеспечивать им материальные предпосылки, необходимые для хорошей жизни, тогда как прогрессивно-популист-

⁴³ Fraser 2019: 51. ский блок вполне может это сделать»⁴³. Но нет ли здесь настоящей *хитрости*, попытки тех, кто de facto борется за привилегии или за свою личную свободу от нужды, заманить часть бедных и социально уязвимых в ловушку левого популизма?

На наш взгляд, сама идея социализма в современных условиях может породить иллюзию, что *любая* борьба за справедливость и равенство является необходимым этапом прогрессивного движения к светлому социалистическому (а то и коммунистическому) будущему. Она также может побудить очень многих поступиться своими интересами — от ни в чем не повинных белых (и, к слову, азиатов), чьи заявки на поступление в университеты отклоняются в пользу получивших значительно худшие баллы чернокожих, никогда не страдавших от реального рабства или вовсе недавно иммигрировавших в страну, до рабочих в сырьевых секторах экономики, вынужденных мириться с утратой работы ради спасения от вымирания редких видов флоры или фауны где-то на другом конце планеты. Слово «социализм» фактически стало сегодня не столько даже пустым означающим, сколько означающим крайне разные или диаметрально противоположные вещи. В качестве социалистического может рассматриваться, например, общество отменивших гендер и семью минималистов, живущих в экопоселениях и отказавшихся от благ цивилизации ради спасения природы (к чему активно призывают многочисленные сторонники идеи дероста (degrowth)⁴⁴). Но так же может называться и общество максималистов, стремящихся к наиболее полному раскрытию личностного потенциала каждого, для которых расслабленное посттрудовое существование равнозначно эгоизму и отсутствию внимания к страданиям стареющих и умирающих. Причем в глазах таких максималистов социальные различия могут представлять не поводом для зависти и рессентимента, а основанием для взаимодополняющей любви.

⁴⁴ См., напр. Nelson 2022.

В связи с этим представляется вполне вероятным, что в условиях, когда за рассуждениями об общей борьбе против угнетения и эксплуатации может скрываться стремление к привилегиям и скрытая *враждебность*⁴⁵, наиболее бедные и социально уязвимые все чаще будут рассматриваться к специфике *собственного* положения и *собственных* интересов, а не к популистским проектам, обещающим социализм там, где его в принципе быть не может. Возможно, самое ценное и актуальное для масс в нынешнем социализме — не абстрактные теории и умозрительные образы будущего, а стратегии борьбы «каждого за свое».

⁴⁵ В шмиттианском смысле — как подсознательное, а то и открыто декларируемое неприятие «другого», экзистенциальная нетерпимость.

Библиография

Маркс К. (1962) «Капитал. Критика политической экономии. Т. 3» // Маркс К. и Ф.Энгельс. *Сочинения*. Т. 25. Ч. 2. М.: Изд-во политической литературы.

Маркс К. и Ф.Энгельс. (1955) «Святое семейство, или Критика критической критики» // Маркс К. и Ф.Энгельс. *Сочинения*. Т. 2. М.: Изд-во политической литературы: 3—230.

- Bohrer A.J. (2019) *Marxism and Intersectionality: Race, Gender, Class and Sexuality under Contemporary Capitalism*. Bielefeld: Transcript-Verlag.
- Chibber V. (2022) *The Class Matrix: Social Theory after the Cultural Turn*. Cambridge: Harvard University Press.
- Collins P.H. (2019) *Intersectionality as Critical Social Theory*. Durham: Duke University Press.
- DiAngelo R. (2018) *White Fragility: Why It's So Hard for White People to Talk About Racism*. Boston: Beacon Press.
- Fraser N. (2019) *The Old Is Dying and the New Cannot Be Born: From Progressive Neoliberalism to Trump and Beyond*. New York: Verso.
- Garó I. (2023) *Communism and Strategy: Rethinking Political Mediations*. New York: Verso.
- Gotby A. (2023) *They Call It Love: The Politics of Emotional Life*. New York: Verso.
- Harmange P. (2022) *I Hate Men: More Than a Banned Book, the Must-Read on Feminism, Sexism and the Patriarchy for Every Woman*. London: Fourth Estate.
- Hester H. and N.Srnicek. (2023) *After Work: A History of the Home and the Fight for Free Time*. New York: Verso.
- Lowrey A. (2018) *Give People Money: How a Universal Basic Income Would End Poverty, Revolutionize Work, and Remake the World*. New York: Crown.
- Mac Donald H. (2023) *When Race Trumps Merit: How the Pursuit of Equity Sacrifices Excellence, Destroys Beauty, and Threatens Lives*. Nashville: DW Books.
- Marcuse H. (1969) *An Essay on Liberation*. Boston: Beacon Press.
- Mouffe C. (2018) *For a Left Populism*. New York: Verso.
- Mouffe C. (2022) *Towards a Green Democratic Revolution: Left Populism and the Power of Affects*. New York: Verso.
- Neiman S. (2023) *Left Is Not Woke*. Cambridge: Polity.
- Nelson A. (2022) *Beyond Money: A Postcapitalist Strategy*. London: Pluto Press.
- Paxton S. (2022) *How Capitalism Ends: History, Ideology and Progress*. London: Zero Books.
- Pluckrose H. and J.Lindsay. (2020) *Cynical Theories: How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender, and Identity — and Why This Harms Everybody*. Durham: Pitchstone Publishing.
- Srnicek N. and A.Williams. (2016) *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*. New York: Verso.

σομτδω

D.A. Davydov

STUMBLING SOCIALISM, OR PROBLEMS OF LEFT-WING POPULISM

Dmitriy A. Davydov — Ph.D. in Political Science; Senior Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg). Email: davydovdmitriy90@gmail.com.

Abstract. The first quarter of the 21st century became a time of revival of the idea of socialism. However, the working class is no longer the assumed main subject of the progressive change. The rise of left-wing populism is replacing workers' movements and corresponding parties. The key feature of such populism is its desire to unite all the oppressed and exploited in the struggle against capitalist "hegemony". This attitude is reflected, in particular, in the idea of intersectionality, according to which different "systems" of oppression (racism, sexism, homophobia, etc.) and capitalist exploitation are intertwined and can reinforce each other. This idea leads to constant allusions to the general, so to say, "people's" struggle against capitalism and various forms of oppression. Moreover, some leftist theorists directly insist on the necessity to turn to populism and build strategies for leftist "counter-hegemony".

The author thoroughly analyzes modern left-wing populist concepts and reveals serious flaws. The desire for justice and equality often disguises a thirst for privilege and radical hostility towards those who are viewed — often unfairly — as oppressors. Moreover, the struggle for socialism often means emphasizing freedom from labor for some, while ignoring economic hardships of others. The author classifies the contradictions of left-wing populism as insurmountable due to the impossibility of disentangling between the struggle for equality and for the private interests of individual groups. According to his conclusion, under the conditions when zero-sum games are inevitable, for the poor and socially vulnerable strategies for defending their own interests will become increasingly profitable and attractive in contrast to both populist projects and the idea of socialism per se, which increasingly implies the abandonment of these interests without guarantees of any returns in the future.

Keywords: socialism, left populism, counter-hegemony, anti-capitalism, intersectionality, identity politics

References

Bohrer A.J. (2019) *Marxism and Intersectionality: Race, Gender, Class and Sexuality under Contemporary Capitalism*. Bielefeld: Transcript-Verlag.

- Chibber V. (2022) *The Class Matrix: Social Theory after the Cultural Turn*. Cambridge: Harvard University Press.
- Collins P.H. (2019) *Intersectionality as Critical Social Theory*. Durham: Duke University Press.
- DiAngelo R. (2018) *White Fragility: Why It's So Hard for White People to Talk About Racism*. Boston: Beacon Press.
- Fraser N. (2019) *The Old Is Dying and the New Cannot Be Born: From Progressive Neoliberalism to Trump and Beyond*. New York: Verso.
- Garó I. (2023) *Communism and Strategy: Rethinking Political Mediations*. New York: Verso.
- Gotby A. (2023) *They Call It Love: The Politics of Emotional Life*. New York: Verso.
- Harmange P. (2022) *I Hate Men: More Than a Banned Book, the Must-Read on Feminism, Sexism and the Patriarchy for Every Woman*. London: Fourth Estate.
- Hester H. and N.Srnicek. (2023) *After Work: A History of the Home and the Fight for Free Time*. New York: Verso.
- Lowrey A. (2018) *Give People Money: How a Universal Basic Income Would End Poverty, Revolutionize Work, and Remake the World*. New York: Crown.
- Mac Donald H. (2023) *When Race Trumps Merit: How the Pursuit of Equity Sacrifices Excellence, Destroys Beauty, and Threatens Lives*. Nashville: DW Books.
- Marcuse H. (1969) *An Essay on Liberation*. Boston: Beacon Press.
- Marx K. (1962) "Kapital. Kritika političeskoj ekonomii. T. 3" [Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Vol. 3] // Marx K. and F.Engels. *Sochinenija* [Works]. Vol. 25. Part 2. Moscow: Izd-vo političeskoj literatury. (In Russ.)
- Marx K. and F.Engels. (1955) "Svjatoe semejstvo, ili Kritika kritičeskoj kritiki" [Die heilige Familie, oder Kritik der kritischen Kritik] // Marx K. and F.Engels. *Sochinenija* [Works]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo političeskoj literatury: 3—230. (In Russ.)
- Mouffe C. (2018) *For a Left Populism*. New York: Verso.
- Mouffe C. (2022) *Towards a Green Democratic Revolution: Left Populism and the Power of Affects*. New York: Verso.
- Neiman S. (2023) *Left Is Not Woke*. Cambridge: Polity.
- Nelson A. (2022) *Beyond Money: A Postcapitalist Strategy*. London: Pluto Press.
- Paxton S. (2022) *How Capitalism Ends: History, Ideology and Progress*. London: Zero Books.
- Pluckrose H. and J.Lindsay. (2020) *Cynical Theories: How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender, and Identity — and Why This Harms Everybody*. Durham: Pitchstone Publishing.
- Srnicek N. and A.Williams. (2016) *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*. New York: Verso.